

Говард Филлипс Лавкрафт

Селефаис

(Celephais)

Во сне Куранес видел город в долине, морской берег вдаль и снежную вершину горы над морем. Во сне пестро раскрашенные галеры, отчалившие из гавани, плыли в дальние края, где море смыкается с небом. Во сне он и получил имя Куранес: когда он бодрствовал, его звали иначе. Вероятно, он не случайно придумал себе другое имя: Куранес был последним в роду и остро чувствовал свое одиночество в многомиллионной равнодушной лондонской толпе. Не так уж много людей с ним разговаривали и обращались к нему по имени. Его деньги и земли – все ушло в прошлое, и ему было безразлично, кем он слывет меж людьми. Куранес предпочитал грезить и писать о своих грезах. Те, кому он показывал первые пробы пера, высмеяли его, и Куранес стал писать для себя, а потом и вовсе бросил это занятие. И чем больше он удалялся от мира, тем изумительнее становились его сны, и всякая попытка описать их была заранее обречена на неудачу. Куранес был человек несовременный и мыслил не так, как те, что пишут. Они пытались сорвать с жизни ее узорчатый убор мифа и показать неприкрытое безобразие отвратительной реальности. Куранес же искал лишь красоту. Ее не смогли раскрыть правда и опыт, и тогда он обратился к фантазии и иллюзии и нашел красоту совсем рядом – в туманных воспоминаниях и мечтах детства.

Немногие сознают, какие чудесные горизонты раскрываются в историях и мечтах юности. Дети, слушая и мечтая, осмысливают все лишь наполовину, а когда уже взрослыми мы пытаемся что-то вспомнить, воспоминания получаются скучными и прозаичными, ибо мы уже отравлены ядом жизни. И все же некоторые просыпаются, увидев во сне диковинные фантазии – зачарованные горы и сады, фонтаны, поющие на солнце, золотые пики гор, обрывающихся к ласковым морям, долины, простирающиеся вокруг спящих городов из камня и бронзы, удальцов, разъезжающих на белых лошадях, покрытых попонами по опушкам густых лесов. И тогда мы догадываемся, что заглянули в прошлое, в мир чудес, через ворота из слоновой кости, открытые для нас прежде, когда мы еще не были так мудры и несчастны.

Куранес внезапно обрел старый мир своего детства. Ему снился дом, где он родился, большой, увитый плющом. В этом доме жили тринадцать поколений его предков, там он мечтал умереть и сам. Благоуханной летней ночью при луне Куранес тайком пробежал через сады, спустился вниз, по террасам, мимо старых дубов в парке, и вышел на длинную белую дорогу, ведущую в деревню. Она была очень старая на вид, с развалившимися домами на околице, будто начинающая убывать луна. Куранес невольно задумался: что же таится в домах с островерхими крышами – сон или смерть? Улицы поросли осокой, а дома смотрели на него туманным взглядом оконных стекол, либо пустыми черными глазницами. Куранес нигде не останавливался, будто шел к указанной цели. Он не проявлял своеволия, опасаясь, что все вдруг окажется иллюзией, как мечты и устремления повседневной жизни,

никогда не приводящие к цели. Потом он прошел по улице, спускавшейся вниз, к обрыву, и внезапно оказался на краю света, у бездны, где стояла и деревня, и весь мир. Дальше открывалась взору бесконечная пустота, не отзывающаяся эхом, и небо над ней было пусто, оно не освещалось даже ущербной луной и мерцанием звезд. Вера побудила Куранеса сделать шаг вперед, и он полетел вниз, все дальше и дальше, минуя тьму, неприснившиеся сны, слабо светящиеся сферы, бывшие сновидения и крылатых смеющихся эльфов, которые, казалось, высмеивали всех мечтателей мира. Потом Куранес разглядел во тьме ущелье и город в долине, сверкающий вдали на фоне неба, моря и снежной вершины горы, обрывающейся к морю.

Куранес проснулся в тот же миг, как увидел город, но ему хватило и мига. Он сразу узнал Селефаис, город в долине Оот-Наргай за Танарианскими горами. Там его дух бродил целую вечность – тот час давнего летнего полдня, когда он убежал от няньки и заснул возле деревни, убаюканный теплым ветерком с моря и плывущими над горой облаками. Когда его нашли и разбудили, он отбивался изо всех сил, потому что во сне должен был отплыть на золотой галере в чудесные края, где море смыкается с небом. Вот и теперь, проснувшись, Куранес почувствовал досаду, потому что нашел наконец сказочный город после сорока тоскливых лет.

Но через три ночи Куранес снова вернулся в Селефаис. Как и раньше, ему сначала приснилась деревушка, сонная или вымершая, и бездна, в которую он должен был тихо слететь. Потом снова появилось ущелье, и Куранес увидел сверкающие минареты города, изящные галеры на якоре в голубой гавани и китайские деревья гинкго на горе Аран, колышимые морским ветерком. Но на этот раз никто не выхватил его из мира грез. Как крылатое существо, он слетел на поросшую травой полянку на склоне горы, и ноги его мягко коснулись травы. Он наконец вернулся в долину Оот-Наргай, в замечательный город Селефаис.

Куранес спускался с горы, наслаждаясь ароматом трав, любясь яркими цветами. Он перешел бурливую речку Нараху по деревянному мостику, на котором вырезал свое имя много лет назад, миновал рожицу и подошел к большому каменному мосту у городских ворот. Здесь ничто не изменилось: не потемнели мраморные стены, не покрылись патиной бронзовые скульптуры на них. И Куранес понял: ему нечего опасаться, здесь ничего не изменилось, не исчезло. Даже часовые на крепостном валу были те же и такие же молодые, какими он их запомнил. Когда Куранес явился в город через бронзовые ворота и прошел по ониксовым мостовым, купцы и погонщики верблюдов приветствовали его, как будто он никогда не покидал город. То же самое повторилось в бирюзовом храме Нат-Нортат, где жрецы в венках из орхидей объяснили ему, что в Оот-Наргай время не движется, и люди здесь вечно юные. Потом Куранес прошел по Колонной улице к части крепостного вала, что граничила с гаванью. Там толпились купцы, матросы, чужестранцы из тех краев, где небо смыкается с морем. Куранес долго стоял на крепостном валу, глядя сверху на ярко освещенную гавань, на морскую рябь, сверкавшую под чужим солнцем, на галеры, легко скользившие по воде. Взгляд его притягивала и гора Аран, царственно возвышавшаяся над морем. Ее нижние склоны оживляла зелень деревьев, а снежный пик упирался в небо.

Куранесу как никогда хотелось отплыть на галере в дальние края, о которых он слышал так много чудесного, и он отправился на поиски капитана, согласившегося давным-давно взять его с собой в плавание. Он разыскал этого человека, Атхиба. Тот по-прежнему сидел на сундуке с пряностями и, казалось, даже не заметил, сколько времени прошло с тех пор. Они подплыли к галере, стоявшей на якоре, капитан отдал приказ гребцам, и галера вышла в бурное Серенарианское море, которое где-то сливается с небом. Несколько дней галера легко неслась по волнам, и наконец путники приблизились к горизонту – туда, где небо сливается с морем. Галера, не замедляя хода, вплыла в голубизну неба меж пушистых облачков, тронутых розоватыми отблесками солнца. А далеко внизу, под килем, Куранес видел чужие земли, реки и города неслыханной красоты, нежившиеся в лучах солнца, которое здесь никогда не заходило. Наконец Атхиб сказал, что путешествие подходит к концу: вскоре они войдут в гавань Серанниана, облачного города из розового мрамора, построенного на эфирном берегу, где западный ветер веет в небе. Но когда показалась самая высокая резная башня, в пространстве послышался звук, от которого Куранес проснулся в своей лондонской мансарде.

Потом Куранес месяц за месяцем тщетно искал чудесный город Селефаис и галеры, уплывающие в небо, и хоть в грезах он посетил много чудных, неизвестных мест, никто из встреченных им людей не помог ему отыскать Оот-Наргай, лежащий за Танарианскими горами. Как-то ночью он пролетал над темными горами, где на большом расстоянии друг от друга горели едва различимые костры. Там паслись стада диковинных косматых животных, и на шее у вожаков болтались позванивающие при ходьбе колокольчики. В самой глухой части этой страны, затерянной в горах, куда редко проникали путешественники, Куранес обнаружил очень древнюю стену, вьющуюся зигзагом через горы и долины. Не верилось, что это гигантское сооружение – дело рук человеческих и в ту, и в другую сторону стена уходила в неоглядную даль. Как-то в предрассветных сумерках он увидел за стеной причудливые сады с вишневыми деревьями, а когда взошло солнце, его взору открылся прекрасный мир белых и красных цветов, сочной зеленой листвы, белых дорожек, сверкающих ручейков и голубых маленьких озер, резных мостиков и пагод с красными крышами. Куранес был восхищен и на миг забыл про Селефаис. Но по дороге к пагоде он вспомнил про чудесный город и спросил бы местных людей про него, но обнаружил, что здесь живут только птицы и бабочки. Другой ночью Куранес поднимался по бесконечной винтовой лестнице из мокрого камня и наконец увидел из окна башни освещенную луной долину и реку. На противоположном берегу реки лежал спящий город, и Куранесу показалось, что он узнает знакомые места. Он спустился бы и спросил, как добраться в Оот-Наргай, но вдруг из-за горизонта выплыла на небо яркая звезда, и Куранес понял, что перед ним – развалины города, не река, а болото, поросшее камышом, и на всем вокруг лежит печать смерти с тех пор, как король Кинаратолис вернулся домой с победой и узрел месть богов.

Итак, Куранес тщетно искал сказочный город Селефаис и его галеры, плывущие в небесный град Серанниан, и тем временем видел много чудес. Однажды он едва спасся от верховного жреца, о котором лучше умолчать. Скажу лишь, что он носит на лице желтую шелковую маску и живет в полном одиночестве в очень древнем каменном монастыре, расположенном на холодном пустынном плато Ленг. Со временем Куранесу стали так несносны бесцветные дни, предваряющие ночи, что он

стал прибегать к наркотикам, желая продлить ночные грезы. Очень помогал гашиш, и с его помощью Куранес совершил путешествие в неведомое пространство, где отсутствует форма. Там светящиеся газы изучают тайну жизни. Газ цвета фиалки рассказал Куранесу, что это пространство находится за пределами того, что он назвал бесконечностью. Фиалковый газ не слышал раньше о планетах и живых организмах. Он определил, что Куранес явился из бесконечности, где существуют материя, энергия и сила притяжения. Куранес всей душой стремился в Селефаис с его дивными минаретами и потому стал принимать большую дозу наркотиков. В конце концов все деньги вышли и не на что было покупать наркотики. Летом Куранеса выселили из мансарды. Бесцельно бродя по улицам, он пересек мост и оказался в глухом месте, где дома попадались все реже и реже. И тогда наконец его мечта исполнилась: Куранес повстречал кортеж рыцарей из Селефаиса, прибывший затем, чтобы забрать его с собою навсегда.

Они были прекрасны, эти рыцари на чалых лошадях, в сверкающих доспехах и затканых золотом плащах с гербами. Их было так много, что Куранес сначала принял кортеж по ошибке за войско. Но их прислали, чтобы оказать ему особую честь: ведь Куранес создал Оот-Наргай в своих мечтах, и потому теперь его назначили Верховным богом города навечно. Рыцари усадили Куранеса на коня, и он поскакал во главе кавалькады. Величественная конница миновала равнины Суррея, а потом и родовой замок Куранеса, где жили его предки. И вот что странно: всадники мчались вперед, совершая обратное путешествие во времени. Так, проезжая в сумерках деревню, Куранес видел дома и людей глазами Чосера или его предшественников. Порой им попадались рыцари верхом, которых сопровождали вассалы. Когда стемнело, лошади побежали еще резвее, а в ночи они летели, будто по воздуху. В предрассветных сумерках они приблизились к деревне, которую Куранес видел наяву в детстве, а потом во сне – спящую или вымершую. Теперь она была явью, и деревенские жители, вставшие спозаранку, кланялись проезжавшим всадникам. Кавалькада свернула на улицу, которая во сне обрывалась пропастью. В грезе Куранес появлялся здесь ночью, теперь он жаждал увидеть бездну при свете дня и нетерпеливо устремился вперед. Когда вся кавалькада приблизилась к краю пропасти, вокруг разлился золотой свет с запада и покрыл все вокруг лучезарной завесой. Сама пропасть предстала перед их взорами бурлящим хаосом розового и небесно-голубого цвета. Всадники ринулись вниз, поплыли среди сверкающих облаков в серебряном сиянии, и невидимые голоса слились в ликующем гимне. Казалось, они плывут вниз бесконечно долго, и кони ступают по золотым облакам, как по золотому песку в пустыне. Наконец лазурная завеса разверзлась, открыв подлинное великолепие Селефаиса на берегу моря и снежного пика горы над ним. Ярко раскрашенные галеры плыли из гавани в далекие края, где море смыкается с небом.

И Куранес стал верховным правителем города своей мечты. Его двор располагался попеременно в Селефаисе и небесном граде Серанниане. Он и сейчас там правит и будет править вечно. А возле утесов Инсмута волны пролива насмешливо перебрасывали тело бродяги, забредшего в полупустую деревню на рассвете; поиграли и выбросили тело возле Тревор-Тауэрс, где жирный и наглый пивной

король наслаждается купленной атмосферой старинного родового имения вымершей аристократии.

Перевод: Людмила Биндеман

2000 год